

Людмила Александровна, в одном из интервью вы рассказывали, что в юности всерьёз интересовались журналистикой, литературоведением, лингвистикой. По ряду обстоятельств пошли учиться на лингвиста и ни разу об этом не пожалели. Кто из наставников поддерживал ваш интерес к профессии?

— Прежде всего, Лидия Андреевна Глинкина, два года назад от нас ушедшая. Замечательный был преподаватель! Потрясающий человек, увлечённый, энергичный. Когда после окончания Челябинского педагогического института я была в отчаянии из-за невозможности сразу поступить в аспирантуру, она меня поддерживала и не уставала искать варианты.

— В чём заключалась проблема с аспирантурой?

— В институте мне дали направление, которое позволяло поступить в аспирантуру не раньше, чем через два года, и при условии трудоустройства уже в год окончания вуза. Такой был порядок. Потом вообще закрыли нецелевой приём. Лидия Андреевна сказала, чтобы я не отчаивалась. Объяснила, что можно быть соискателем, посоветовала обратиться в Институт языкознания. Потом она же выяснила, что есть нецелевой приём в аспирантуре Института русского языка при Академии наук в Москве. С её подачи я сразу туда поехала, подала документы и поступила. Случилось это уже через шесть лет после того, как я окончила институт. Моим научным руководителем стал Ефим Лазаревич Гинзбург. Он научил меня всему, что я умею.

— Можно несколько слов о Гинзбурге?

Л. А. Месеняшина: Успех в науке, искусстве, культуре — плод не реальности, а надежд и иллюзий

Подготовили
Валерия Гриднева,
Полина Захарова

Как культуры разных эпох взаимодействуют в пространстве личности человека? Почему свобода — необходимое условие творчества, а любовь к ребёнку — самая надёжная его защита? Об этом, а также о том, как атмосфера в обществе влияет на климат в сфере образования, говорим с доктором педагогических наук, профессором кафедры русского языка и литературы ЧелГУ Людмилой Александровной Месеняшиной.

— Он был большой учёный, даже упоминается в лингвистическом энциклопедическом словаре. Не-обыкновенный человек. И москвич. В Москве совсем другие люди, не такие, как в Питере. Я у него завтракала, обедала, ужинала. Он говорит: если переночевать негде, то раскладушка для вас всегда найдётся. Я считалась почти членом семьи. Его дети даже называли меня «тётя Люся». По причине пренебрежения к официальным регалиям у Ефима Лазаревича не было докторской степени, поэтому для официального руководства аспирантом пришлось дожидаться разрешения Президиума Академии наук СССР. Таким образом, получилось, что я была его первым официально оформленным аспирантом. И он работал со мной с полной отдачей. Был очень строгий. Безумно строгий и требовательный! Бывало, идёшь от него и думаешь: сделать к завтрашнему дню столько и так качественно, как ему надо, просто невозможно! Осознавать это было мучительно. Но те, кто не числился у него в аспирантах, умирали от зависти ко мне: «Вот, смотрите, Люсе внимание уделяет, а другим — нет». Он со мной нянчился. Потому что чувствовал огромную ответственность, и на то были свои причины.

— Какие?

— Время, о котором говорим, начало 80-х. Сейчас мы знаем, что это закат эпохи застоя. Но уже тогда появилось ощущение короткого исторического промежутка, когда людей начали оценивать по их человеческим и профессиональным качествам, а не по уровню «преданности партии». Ефим Лазаревич не мог себе позволить упустить такую возможность и не поддержать

своих учеников. Он мне говорил: «Вы защищаетесь — это, во-первых. Во-вторых, вы защищаетесь в секторе структурной лингвистики, а на этот сектор во все бинокли смотрят, он под глубочайшим подозрением: если есть возможность придрататься, её используют. В-третьих, вы защищаетесь у Ефима Гинзбурга и должны понимать: на вас каждый будет смотреть в четыре глаза. У вас должна быть надёжность, как у космонавта». Меня поэтом он очень долго на защиту не выпускал. Год только автореферат писали! Потом уже всё пошло как по маслу: Ефим Лазаревич посоветовал просто подогнать под автореферат диссертацию.

— На пути к этой финальной точке у вас не было желания всё бросить?

— Нет. Хотя, видя требовательность своего отца ко мне, его дочка младшая лет четырнадцати — спросила: «Тётя Люся, как вы вообще его терпите?». Я ответила: «Мы с ним просто созданы друг для друга». Иной бы человек обиделся за придирки, но я понимала: требует по делу. Как и он понимал: с меня можно драть три шкуры. Не уверена, что у него много выпущено аспирантов: он предоставал перед нами настоящим кровопийцей. Не стеснялся в выражениях. Правда, так как я была молодая дама, при мне всё-таки сдерживался. Но с другими учениками обоих полов не церемонился. Ругался страшно, говорил обидные слова даже за опечатку: «Все люди делятся для меня на два класса: на кого можно положиться и на тех, которые могут предать». После таких слов у человека случалась истерика, а я не плакала даже. Но однажды впала в истерику и я. Ефим Лазаревич отпаивал меня валерьянкой. В тот вечер уезжала, и он заставил меня позвонить с вокзала, сказать ему о своём самочувствии. Вот такое невероятное сочетание безумной требовательности и абсолютно искренней доброты и заботы. Мы очень тепло друг к другу относились. Не стану скрывать: он гордился мной. И я понимаю, что без него неизвестно вообще, что бы из меня получилось.

— Насколько помню, вы целенаправленно шли устраиваться на работу в Челябинский государственный университет. Почему именно ЧелГУ?

— Вы просто себе не представляете ту эпоху! Не было выбора, поймите. Окошко возможностей для самореализации (о нём мы говорили выше) открылось ненадолго и несколько позже. Царил застой. И «застой» — не просто слово. Это образ жизни, мышления. В пединститут пробиться было нельзя. Он стоял, как скала, там ничего не менялось десятилетиями, не появлялось вакансий. Уехать из Челябинска я не могла: нужно было помогать маме, поэтому и в аспирантуре училась заочно. Незадолго до того, как туда поступила, открылся новый университет. Надеяться, что меня туда возьмут «с улицы», не приходилось. Несколько раз обошла корпус, только потом набралась храбрости зайти внутрь. Понимала, что себе не прощу, если не попробую. И тут вижу, что в очереди на приём к проректору Голикову сидит моя сокурсница Татьяна Андреевна Екимова, здесь же — Наталья Алексеевна Новосёлова, с которой я учила факультативно болгарский язык. Вакансии закончились на Татьяне Андреевне. А мне сказали: «Оставьте телефон — мы вам позвоним». Не дожидаясь звонка, заходила в университет несколько раз, узнавала, не освободилось ли место. Выяснила, что деканом назначена Людмила Александровна Шкатова, знавшая меня ещё студенткой, отличницей и ленинской стипендиаткой. Заведующим кафедрой стал Александр Иванович Лазарев, который помнил меня по смотрам художественной самодеятельности. Время от времени заглядывала к ним в университет. В итоге Лазарев меня обнадежил: сказал, что скоро вакансия, возможно, появится. И, действительно, нашлась для меня работа.

— У вас получилось!

— Не всё так просто. Два года работала «на птичьих правах», буквально, без отпуска и больничных. Потом устроилась диспетчером, затем лаборантом. Хотя и преподавала, но официально не числилась в составе преподавателей. Это продолжалось даже после защиты моей кандидатской в 1983 году. В 1985-м, наконец, вакансия открылась, и... её тут же занял другой человек, даже не кандидат наук! Я тогда плюнула и ушла. И неизвестно, как бы сложились мои отношения с университетом, если бы не наступившие перемены.

Людмила Александровна Месеняшина — кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Член Совета по русскому языку и российской словесности при Министерстве образования Челябинской области. Автор более 180 публикаций, пяти монографий и трёх учебных пособий.

— **Имеете в виду перестройку?**

— Точнее то, как она отозвалась в пространстве университета. Доцент кафедры русского языка незабвенный Вячеслав Павлинович Тимофеев, в высшей степени неординарная личность (это ещё очень слабо сказано!) в 1987 году написал в «Правде» статью с критикой руководства вуза. Основная мысль состояла в том, что университет остановился в развитии, что кадровая политика не прозрачна. Много было других острых замечаний. «Правда» на тот момент — главная газета страны. В ответ администрация университета инициировала собрания на факультетах. Их цель — принять резолюцию о недоверии изложенных в статье фактов. Было даже опасение, что ЧелГУ из-за статьи могут закрыть. Такое собрание состоялось и на филологическом факультете. Со слов участников, на него пришёл наш выпускник 1984 года поэт Дмитрий Кондрашов (к сожалению, его уже нет в живых) и несколько других выпускников. Им сказали: вы уже не имеете отношения к вузу. На что Дима возразил: мы как выпускники тоже отвечаем за университет и его будущее. В итоге их допустили. Дмитрий выступил, сказал, что опровергать в статье нечего, перечислил преподавателей, уволившихся с факультета, меня назвал в том числе. Собрание шло до полуночи, и его решение состояло в том, что факты, приведённые в публикации Тимофеева, абсолютно верны. О резолюциях других факультетов не знаю, но руководство университета сменилось. Вскоре кафедра, где я работала в ЧелГУ, расширилась, и меня туда пригласили.

— **То, о чём вы рассказываете, уже вряд ли можно назвать застоем. Но что было главным источником перемен: курс Михаила Горбачёва на перестройку или энергия, накопившаяся в обществе?**

— И то, и другое — двустороннее движение. Перестройка потому и началась, что в стране сложилась революционная ситуация. Горбачёв прекрасно это видел и провозгласил политику гласности. «Правда» стала печатать статьи, подобные той, которую написал Вячеслав Павлинович Тимофеев. И люди поверили, что их могут услышать, что они способны что-то изменить. Это были счастливые времена! Успехи в науке, искусстве, культуре бываю не от реальности, а от надежд и иллюзий.

— **Сегодняшняя общественная среда благотворна для иллюзий?**

— Нет. Это почва для полной депрессии. Вот нас ругают, что мы мало публикуемся в научных журналах. Но ведь одно дело — работать над статьёй по любви, а другое — по обязанности. Когда что-то нужно делать из-под неволи, даже нет потребности высказываться. Мы задавлены формальными требованиями: стандартами, проверками, бумажками всякими... Преподаватель поставлен в условия, когда студенты ему только мешают: надо срочно рабочую программу дисциплины писать, а тут ученики на консультацию пришли. Это ужас! Студент лишний, преподаватель тоже лишний. Оба всё понимают. С первым ректором ЧелГУ Семёном Егоровичем Матушкиным у меня было много разногласий. Но он

абсолютно верно подчёркивал: главный человек в вузе студент. К сожалению, сейчас об этом мало кто вспоминает. Хотя именно общение со студентами — единственное, что меня последние лет пять спасает от депрессии. Кстати, на мой взгляд, с нынешним ректором университету очень повезло. По крайней мере, точно знаю, что студенты, когда он был деканом физфака, его очень ценили.

— **Вы говорите, что молодёжь, дети воодушевляют. Но их настоящее и будущее вас не страшит?**

— Вашу покорную слугу никогда в жизни ничего не страшило. И за молодых не страшно — они очень сильные ребята. Сильнее, чем мы, деятельнее, амбициознее. Смотрю на них с удовольствием.

— **Говорят, современный студент более ленив.**

— Неправда. Правда в том, что даже самый трудолюбивый студент имеет право на безделье. И курсовые во все времена писали в последнюю неделю или даже в последнюю ночь. Я сама на втором курсе тратила на курсовую неделю, на третьем — три дня до защиты. Вы же понимаете, студент не может не лениться: кроме науки есть ещё любовь, кинематограф, театр, музыка — столько интересного на свете! И молодые не должны себя обделять в этом отношении.

— **Они способны сотворить для себя новую иллюзию?**

— Они мыслят в других категориях и ценностных системах. Если мы видим свою самореализацию только в профессиональной сфере,

то у них более широкое представление. Они не зациклены на узкой специализации, делают то, что им интересно в данный момент и не боятся ради этого быстро переучиваться. Ещё они ценят свою индивидуальность и не склонны рассчитывать на заботу о себе со стороны других. Моя задача как педагога — объяснить им, что самореализация — высшая ценность. Судя по их жизненным практикам, они сами об этом интуитивно догадываются, но чем раньше они это ещё и осознают, тем лучше.

— Школа (в широком смысле) в основном противопоставляет себя стремлениям молодых?

— К сожалению, да. В советской школе ученики не были лишними, но она всегда боролась с теми из них, кто хотел самореализоваться. Творческих учителей, культивировавших детские способности, было примерно по два человека на педагогической коллектив. Редко, где больше. Мне, впрочем, повезло. К тому же, я училась в середине 60-х годов, когда ещё чувствовалось влияние хрущёвской оттепели. Учителя, находясь во власти иллюзий, с помощью той же школьной прессы создавали нам атмосферу свободы. И мы ради своей школы готовы были умирать в работе: деревья сажали, спортплощадки делали, окна мыли — чувствовали, что это наше. Мы выпускали газеты, устраивали «огоньки». Домой в 12 ночи приходила — мама ругалась, а папа говорил, что я уже взрослая. Сейчас ведь у детей нет ощущения, что школа это их дом.

— Творческим учителям, которые всегда в меньшинстве, когда было труднее в советское время или сейчас?

— Им всегда плохо на самом деле. Всё зависит от директора. В школе, где я училась, он был либералом: преподавал физкультуру, никуда не вмешивался, давая свободу работать замечательным литераторам, прекрасным историкам. Ещё одна хорошая модель — когда директор осознанно подбирает кадры, создавая для них условия. Но большинство директоров занимаются исключительно отчётами. Им творческие учителя — помеха. Такие педагоги учат детей свободе, а сегодня любое её проявление чревато доносом. Атмосфера за-

пуганности не ведёт к творчеству. А школьные учителя сейчас запуганы ещё больше, чем университетские преподаватели.

— Сказанное вами без всякой натяжки можно назвать экспертным мнением, так как вы доктор педагогических наук. В этом своём качестве занимаетесь проблемой диалога культур. Можно ли личность ребёнка рассматривать как пространство этого диалога?

— Вы наверняка знаете, что развитие плода в утробе матери воспроизводит эволюцию жизни на Земле. Сначала зародыш с жабрами, позвоночником и хвостом. Потом жабры и хвост отпадают и так далее. Есть теория рекапитуляции, согласно которой такая же эволюционная схема актуальна и для форм мышления. То есть кошка умнее двухлетнего ребёнка, но в два с половиной года ребёнок уже умнее кошки. В три года его интеллект сильнее, чем у шимпанзе. Так как осваивает язык, то постепенно переходит к человеческому мышлению, последовательно осваивая все его формы, характерные для каждой из эпох: первобытного мира, античности, средневековья, просвещения. И эти мыслительные формы остаются с человеком на всю жизнь, взаимодействуя между собой.

— Они транслируются через язык?

— И через него тоже. Но в первую очередь через мыслительные способности, определяющие восприятие мира, высказывания и поступки. Можно, например, остаться на уровне средневековья. Но чтобы понять прелесть просветительства, надо отказаться от мистики. А полностью отказаться не всегда получается, даже у просвещённых людей. С тех пор, как у меня появились дети, я стала очень суеверной, начала думать, что не всё в мире зависит от рациональности. Хотя раньше в приметы вообще не верила, и это был такой же этап формирования мышления, как и любой другой. Затем наступает период постнеклассического восприятия, когда понимаешь, что моменты случайности надо предусматривать. Школа диалога культур помогает осознанно реализовывать потенциалы, заложен-

ные у нас в голове, осмысливая их достоинства и недостатки.

— Как принципы этой школы можно применить в практической педагогике?

— Все дети разные. У одного ребёнка уже во втором классе есть элементы постнеклассического мышления, другой пока оперирует категориями первобытности. Важно понимать, как они мыслят, чтобы иметь больше возможностей для развития их мышления. В более старшем возрасте диалог помогает человеку выйти за рамки собственной оболочки и посмотреть на себя со стороны. В школе диалога культур ты не мир познаёшь, используя свои способности, а с помощью окружающего мира познаёшь себя. Самопознание — самое главное, оно позволяет понять, что для тебя важно.

— Когда человек взаимодействует с миром без гаджета в руке, скорость активации общечеловеческого опыта внутри его личности не столь высока.

— Совершенно верно.

— Не нарушают ли информационные технологии хода естественного развития сознания ребёнка? Как ему при этом помочь?

— Просто любить. Когда ребёнок знает, что его любят, сколько бы информации на него ни обрушилось, он всё равно прибежит с ней к маме, папе, бабушке. Потому что они свои, им можно доверять, а в Интернете чёрт знает кто. Но если ребёнок не чувствует любви, он уйдёт в Сеть, и из его неокрепшей психики навьют верёвок. Именно члены семьи или чуткий учитель на своём примере помогут расставить приоритеты, сформировать ориентиры, понять, что полезно, а что вредно. А ещё раньше была такая мощная штука, как коллектив. В хорошем коллективе каждый расцветал, как цветок, потому что чувствовал, что коллектив его ценит и уважает. Сегодня тимбилдинг есть, а коллектива нет. Тимбилдинг — структура неформальная, а коллектив чётко организован, и в нём, действительно, можно создать условия для культивирования каждой личности. В тимбилдинге человек средство, а в коллективе — цель. Важно, чтобы в нашу эпоху интересы человека стали целью и смыслом.